

Огненный император Янь-ди умер, Юн Шань в скором времени должен был стать истинным хозяином Поднебесной, к тому же дела государственной важности были крайне запутанными, словно на тысячу концов приходилось десять тысяч нитей, поэтому сейчас совершенно нельзя было предаваться горестным рыданиям. Придворный лекарь Чэнь, являясь приближённым Огненного императора Янь-ди, давно знал о болезни Его Величества и в душе был готов к этому дню. С мгновение поплакав, мужчина уже успокоился, подозвал двух евнухов, приказал им поднять Юн Шаня с колен и с искренностью стал убеждать наследного принца:

— Ваше Высочество, сейчас не время проливать слёзы. Прошу, идёмте, выслушаете последнюю волю государя.

Двое слуг, подняв Юн Шаня, вывели его из опочивальни в крытую галерею, где все уже давно предавались рыданиям.

Несколько дней назад, находясь во Дворце Наказаний, не Юн Линь ли, выражая обиду, спустя время говорил, что отец-император выжил из ума? А ещё немного погодя сказал, что из-за болезни он окончательно сбит с толку? Но кто бы мог подумать, что, покинув Дворец Наказаний и даже не встречаясь с отцом-императором, Юн Линь услышит, как наставник Ван в слезах разглашает новость о том, что государь, драконом правя, выси посетит [1]. Для юноши это было словно гром среди ясного неба. Младший близнец почувствовал, как в голове что-то взорвалось, ввергая разум в дурман.

Всё казалось непостижимым, словно во сне.

Когда донеслись рыдания наложниц, Юн Линь очнулся и понял, что всё произошло на самом деле, а сам он, вместе с Юн Ци и Юн Шэном, прикинув к земле, разразился горькими слезами.

Когда беспрестанный плач пронзил Небеса, переведённый в императорский дворец главнокомандующий ночной охраны У Цзяньцзэн, взяв с собой двух охранников, прибыл во внутренние покои и, пройдя к первому ряду императорских наложниц, с почтением обратился к стоящим на коленях наложнице Шу и наложнице Ли:

— Две государыни, уже всё готово. — Мужчина махнул рукой, и следующие за ним охранники вышли вперёд, держа в обеих руках квадратные тарелки, на которых стояли две маленькие наполовину заполненные вином чашечки. Однако само вино не было простым, наоборот, оно имело пугающе зелёный, словно драгоценный камень, оттенок.

Императорских наложниц захоронят вместе с умершим!

Исходя из общего положения дел и увидев эти чашечки, придворные сразу всё поняли, а стоявшие за спиной женщин другие наложницы внезапно затрепетали. Страх настолько сильно охватил всех, что придворные забыли про слёзы и замолчали, словно цикады зимой [2].

В огромном дворце внезапно всё стихло, а атмосфера стала такой напряжённой, словно туго натянутая тетива.

Однако наложница Ли и наложница Шу прекрасно знали намерения Огненного императора Янь-ди: сегодня утром их, томящихся под стражей, внезапно привели в императорский дворец, и женщины уже догадались, что больше не вернутся в свои покои.

Эти две женщины, пользуясь благосклонностью во дворце, родили сыновей, которых возвели в ранг наследных принцев, а наложницы, в свою очередь, почти поднялись до ранга императриц. Сейчас же этим выдающимся женщинам предстояло умереть, поэтому, не желая позорить своих детей, они, перед тем как прийти в императорский дворец, переоделись в праздничные официальные одежды, нанесли красивый макияж, который сделал одну изящной, а вторую наложницу мягкой и великолепно-чудесной.

Увидев пришедшего У Цзяньцэна, который просил собираться в путь, наложница Ли и наложница Шу поднялись с земли, и, прежде чем выпить отравленное вино, женщины, словно обладая родственными душами, посмотрели друг на друга и, сухо вздыхая, нашли в этом нечто забавное.

Они, в прошлом две соперницы, с момента встречи начали свою борьбу, стараясь обогнать друг друга, и сражались за первенство стать Благородной. Не брезгуя собственными детьми, женщины впутывали их в свои ссоры, тратя все душевные силы зря, чтобы в конечном итоге вместе умереть в один и тот же год, в один и тот же месяц, в один и тот же день.

Насколько же жестоко Небо распорядилось их судьбой!

Два охранника поднесли квадратные тарелки и по очереди протянули женщинам. Как только зелёное отравленное вино оказалось перед глазами, У Цзяньцэн проговорил:

— Государыни, сделайте милость.

Наложница Шу только что заметила Юн Шаня и Юн Линя, которых привёл во дворец Сюань Хунинь.

Понимая, что двум её сынам ничего не препятствует, а престол неоспоримо сохраняется за Юн Шанем, она посчитала это великолепным результатом проделанной работы. Наложница Ли, которая собиралась последовать вслед за соперницей, также получила вполне исчерпывающий результат, ведь теперь во дворце больше не будет ядовитых игл, способных ранить её сына.

Получив своё, о чём ещё можно было переживать?

Улыбнувшись, наложница Шу мягко проговорила, обращаясь к наложнице Ли:

— Младшая сестрица, император проявил о нас, сёстрах, превосходную заботу, поэтому не стоит заставлять Его Величество ждать.

Великолепные манеры наложницы Ли ничуть не уступали манерам наложницы Шу. И женщина также мягко улыбнулась:

— Предшествующее поколение сажает деревья, чтобы последующее поколение могло найти себе отдых под ними [3]. Дух государя вместо нас позаботится о наших сыновьях и никогда их не покинет. Старшая сестрица, премного благодарна тебе за то, что заботилась обо мне на протяжении двадцати лет. Ты и я, напившись допьяна этим вином, последуем за государем.

Стоящие на коленях Юн Линь и Юн Ци от этой внезапной сцены застыли в испуге, не позволяя разуму поверить в сказанное и никоим образом не соглашаясь с тем, что творилось перед глазами.

Увидев, что матушки и в самом деле подняли чашечки, двое юношей побледнели от страха и громко душераздирающе крикнули.

— Нет!

— Матушка!

И, лишившись рассудка, они бросились вперёд.

У Цзяньцзэн, заметив, что что-то не так, холодно махнул рукой. Неизвестно, когда охранники окружили принцев. Обуреваемые жадой убийства и с мечами, что были за поясом, они тотчас же преградили путь, запрещая Юн Ци и Юн Линю приближаться к матерям.

Внезапный приступ гнева охватил сердце и разум Юн Линя, и юноша тотчас же стал бить кулаками преграждающих ему путь охранников, отбрасывая их на два шага назад. Юн Линь уже было хотел кинуться к наложнице Шу и отшвырнуть отравленное вино, но прекрасно обученные солдаты подоспели, заблокировав брешь в строю, по-прежнему не позволяя пройти.

— Прочь! Отойдите прочь от меня! — Юн Линь наносил удары, словно сумасшедший, и, обернувшись, безудержно прокричал стоящей впереди женщине: — Матушке не стоит бояться! Я спасу Вас!

Эти охранники не являлись старыми телохранителями императора, а были личной охраной этого убивающего людей генерала, У Цзяньцзэна, которая следовала за господином с войны, что была в Бэйчуане. Они обладали кровавым сердцем и безжалостной рукой и не подчинились ничьим приказам, кроме генерала У и императора. Огненный император Янь-ди специально сменил дворцовую охрану, чтобы быть уверенным, что никто после его смерти не воспротивится его последней воле. Будучи ещё в здравом уме, мужчина тайно отдал указ,

желая, чтобы охрана не боялась родственников государя и арестовала любого, кто вздумал бы воспротивиться.

Юн Линь хоть и мог драться, однако двумя кулаками невозможно было дать отпор четырём кулакам: ударив одного охранника, к нему на помощь тотчас же поспешили товарищи, разом наваливаясь на юношу. И уже через некоторое время несгибаемого третьего принца схватили и связали верёвкой.

Даже Юн Ци был не в состоянии кого-либо ударить, а встретив препятствие в лице крепких солдат, юноша и шагу ступить не мог. От того, что матушка Ли вот-вот примет отравленное вино, зарябило в глазах и всё потемнело, а сам Юн Ци лишился чувств. Едва придя в себя, юноша, горестно плача, закричал:

— Матушка! Матушка! Не нужно убивать мою матушку! Отец-император, почему Вы такой жестокий! — Горло сдавило, и Юн Ци рухнул на землю, задыхаясь.

Наложница Ли услышала крик и плач сына, из-за которых её сердце будто пронзили ножом, глаза наполнились слезами, а сама женщина дрожащими губами пробормотала:

— Юн Ци, дитя моё... — Она знала, что именно сегодня разлучится навсегда с сыном, такова воля умершего императора, и никто не вправе был изменить её. Если она, наложница Ли, станет напрасно страдать, пытаясь выиграть время, то может случиться так, что она потеряет сына, которого с таким трудом сохранила. Стоя за спинами охранников, женщина громким голосом проговорила: — Юн Ци, будь умницей, не нужно страдать. Матушка вместе с твоим отцом-императором супруги вот уже на протяжении двадцати лет, и мы не в силах расстаться. Если твой отец-император уйдёт один, матушка будет грустить, лучше уж уйти вместе с ним. Это матушка делает по доброй воле, если ты относишься ко мне с уважением, то не должен останавливать. Милое дитя, твоя матушка отправляется сопровождать твоего отца-императора, в дальнейшем ты... ты должен будешь полагаться только на себя! — Договорив, женщина запрокинула голову и выпила отравленное вино.

Увидев, насколько величава её младшая сестрица, наложница Шу в душе восхитилась.

Как и наложница Ли, наложница Шу тоже являлась матерью и поэтому должна была так же поступить ради Юн Ци, к тому же жертва шла в помощь её сыновьям, иначе Юн Линь вновь стал бы шуметь и его бы обвинили за нежелание подчиниться указу уже покойного императора, и кто знает, насколько жестокими могли оказаться последние приказы Огненного императора Янь-ди? В тот же момент женщина запрокинула голову и с удовольствием последовала примеру наложницы Ли.

Увидев, как две государыни, когда-то завоевавшие сердце покойного императора Янь-ди, выпили отравленное вино, все внезапно замолкли. Во дворце неожиданно стало так тихо, что можно было услышать звон упавшей иголки.

Поначалу плачущие и кричащие Юн Ци и Юн Линь внезапно замолчали и с недолгим

ожиданием посмотрели на матушек.

— Матушка! — Юн Шань, которому помогли двое слуг, под руки выводя из опочивальни, как раз увидел эту картину и, с мгновение онемев, бросился вперёд, внезапно горестно крича: — Нет-нет!

Но стоило ему сделать буквально пару шагов, как колени подогнулись, и тело, словно растеряв всю силу, немедленно рухнуло на землю.

— Ваше Высочество наследный принц! — вскрикнул У Цай.

Несколько придворных евнухов подскочили, чтобы помочь юноше подняться.

Шедший сзади придворный лекарь Чэнь сильно испугался и, спешно подойдя к Юн Шаню, стал проверять пульс и от беспокойства невнятно проговорил:

— Ваше Высочество... Ваше Высочество, не стоит спешить, сильный огонь сокрушает разум и сильно ранит основу [4], не стоит спешить... Однако стоит выслушать последнюю волю умершего императора... Где наставник Ван? Почему Ван Цзинцяо ещё нет? Он получил последнюю волю умершего государя? — яростно забранился придворный лекарь Чэнь и поднял голову, выискивая наставника Вана.

Вдруг за дверью раздался старый и осипший громкий голос:

— Я получил последнюю волю государя!

После того как получил сообщение, Ван Цзинцяо немедля бросился в личные императорские архивы, где взял свиток с последней волей Огненного императора Янь-ди и вновь поспешил во дворец. Задыхаясь и в то же время осторожно держа в обеих руках последнюю волю, словно самую драгоценную вещь, мужчина медленно прошёл во внутренние покои.

Все вдруг с благоговением опустили на колени и, кланяясь в землю, громко приветствовали и желали многих лет императору.

Ван Цзинцяо раскрыл ярко-жёлтый свиток и, подчёркивая каждое слово, сосредоточенно стал читать, затаив дыхание:

— Две императорские наложницы Шу и Ли, что заботились о Нас на протяжении двадцати лет, сейчас собираются проследовать за Нами под землю. Их воля достойна похвалы, а чувства — сочувствия и понимания. Раз уж живые наложницы последуют за Нами в могилу, то тогда Мы действительно не сердимся. Приказываю Ван Цзинцяо отправляться в Динъаньлин и в воздвигнутом храме найти пристанище двум Нашим наложницам, которые, приняв постриг, никогда больше не покинут храма Динъаньлин, круглыми сутками прося Небеса благословить

Нас и наших детей. В могиле и храме предков должна царить тишина, никому — ни сынам императора, ни внукам — не совершать жертвенных церемоний, также нельзя самовольно навещать и тревожить наш прах. Быть посему.

Эту часть указа Огненный император Янь-ди сделал для того, чтобы убедиться, что наложницы Ли и Шу добровольно выпьют «яд», демонстрируя своё раскаяние, однако если бы они, уже после смерти императора, объединились с детьми и выказали неповиновение, тогда У Цзяньцзэну было велено тотчас же задушить их.

К великому счастью, наложница Ли и наложница Шу немного уразумели и, в итоге запрокинув голову, добровольно выпили последние подношения Огненного императора Янь-ди, лишь тогда Ван Цзинцяо вздохнул с облегчением, принеся спасительную волю.

Произнося отчётливо каждое слово, мужчина начал читать, как только голос старого наставника стих, в огромном дворце даже дыхание прекратилось.

Спустя длительное время наложница Ли и наложница Шу, обменявшись взглядами, всё поняли.

На удивление они избежали неминуемой гибели!

С повинной упав на колени и ударяясь головами о позолоченный пол, женщины дрожащими голосами проговорили:

— Наложницы благодарят... благодарят за милость...

С последним словом истратив всю храбрость, их тела неожиданно ослабли, а сами женщины почти рухнули на пол без сознания.

— Матушка!

— Матушка!

Стоило охране отпустить Юн Ци и Юн Линя, как юноши, спешно подскочив к матерям, и вместе с ними горько разрыдались.

В одно мгновение от рождения и до смерти, от жертвоприношения умершему государю до возрождения — всё происходило словно во сне.

Юн Шань, остолбенев, смотрел в упор, даже дыхания не изменив, а когда услышал эту действительно последнюю волю, что оставил Огненный император Янь-ди, юноша, как бы там ни было, вздохнул с облегчением.

Вспомнив о старательно скорбящем о мире и жалевшем людей [5] уже ушедшем отце-императоре, Юн Шань в душе почувствовал пустоту.

Когда придворные с помощью слуг, пошатываясь, поднялись с колен, Ван Цзинцяо остановил их:

— Всех прошу пока не вставать. Умерший император оставил две последние воли, только что была оглашена первая, осталась ещё одна. — И все вновь преклонили колени.

Ван Цзинцяо вновь развернул ярко-жёлтый свиток из тонкого узорчатого шёлка и сосредоточенно прочитал:

— Волею Неба и велением Судьбы император повелевает: наследный принц Юн Шань милосерден, отважен и обладает манерами Нашего отца-императора [6]. Вскоре после Нашей смерти императорский трон перейдёт к наследному принцу Юн Шаню. Верные старые чиновники должны помогать ему, служа верой и правдой. Быть посему!

Это был высочайший указ о престолонаследии.

По большей части многие придворные ожидали подобного итога. У наложницы Ли, которая ещё недавно стояла на краю гибели, желание враждовать уже угасло. Наложница Шу, Юн Ци и Юн Линь в знак поддержки сразу же поклонились в ноги Юн Шаню, говоря:

— Повинуемся!

У Цзяньцзэн, учитывая, что окончательный исход уже ясен, вместе со своими людьми опустился на колени и громко проговорил:

— Верный слуга повинуется!

Остальные наложницы, служанки, чиновники и придворные евнухи, которые осмелились молчать, — все немедля повиновались, провозглашая многие лета юному императору.

У Юн Шэна, которого также позвали, на душе кошки скребли, а сам юноша был крайне расстроен, однако, оглядываясь назад, он вспоминал дни, проведённые во Дворце Наказаний. Юноша никак не ожидал, что его некогда пристроенные во дворец императора чиновники сейчас даже на глаза не попадались. Только что минуя огромную площадь, Юн Шэн обвёл всех взглядом, но дядей, на которых он полагался больше всего, кажется, так и не увидел среди чиновников.

Всё же Огненный император Янь-ди всех поубирал, словно гвозди из стены!

Если сейчас Юн Шэн не примет указ, то разве это не послужит для Юн Шаня предлогом уничтожить его, пятого принца?

Юноша задрожал, смелость сменилась трусостью, низко склонив голову, Юн Шэн смущённо и в то же время громко сказал:

— Ваш слуга повинуется...

Провозглашение многих лет императору сотрясло стены дворца, а самому Юн Шаню придворные евнухи спешно помогли подняться с пола.

Сейчас, кто низко склонял голову, так это его матушка, старший брат, младшие братья, министры... Все стояли на коленях, не смея поднять глаза.

В голове царил беспорядок, а Юн Шань, не говоря ни слова, взглядом чёрных и блестящих глаз обвёл всех во дворце, лишь вспоминая слова Огненного императора Янь-ди:

«Мы являемся сыном Неба, однако Мы также хотим стать самым любящим отцом.

Для государя самое важное — сдерживать слова, сдерживать боль и ясно видеть общую ситуацию; одно движение, которое подобно грому и буре, не позволит никому перевернуть небо и землю.

Но дожить до твоего двадцатилетия Нам так и не удастся...

Мы вынуждены опустить такую тяжёлую ношу на твои плечи. Мы сожалеем.

Юн Ци является даром Небес для тебя.

Мы не беспощадны и не отнимем того, что тебе даровало Небо...»

Юн Шань, вспоминая каждое сказанное ему слово отца-императора, чувствовал огорчение, которое невозможно было сдержать, а взгляд глубоких глаз упал на спину находящегося у его ног Юн Ци, кроткого и послушного.

Юноша наконец-то понял.

Отец-император оставил ему, Юн Шаню, что-то очень дорогое, и это вовсе не престол, а его ласкового и внимательного старшего брата.

Юн Ци являлся даром Небес, пожалованным ему, и крайне трогательным подарком в его

одиноким императорской жизни, а также очень любящий отец-император оставил ему последние несколько искренних наставлений в знак бесконечной заботы.

Начиная с этой минуты, Юн Шань уже не был наследным принцем, а стал настоящим самым Высочайшим хозяином Поднебесной. Что же касается Юн Ци, с этого момента старший брат становился его спутником жизни.

Последняя песнь.

Огненный император Янь-ди ушёл навеки, и эпоха Цзун, которая справляла двадцатиоднолетие, в канун нового года наконец подошла к концу.

Новый император Юн Шань последовал советам чиновников и поменял название будущей эпохи на Жэньян, взяв за основу мысль «совершенномудрый бесчеловечен, питая всё сущее». Из-за большого траура по императору Янь-ди в тот год все торжественные церемонии, невзирая на их величину, были отменены.

Несмотря на то, что по-прежнему был траур и Юн Шаня одолевала боль из-за смерти отца, он, как и раньше, не забывал следовать наставлениям Огненного императора Янь-ди. Юноша установил храм предков и в то же время утешал старых чиновников-друзей отца-императора, проявляя заботу и участие.

Юный государь отправил гроб с телом отца-императора в столицу. Новый год миновал, а после из всех провинций стали приходить сообщения, где говорилось, что народ с нетерпением ждёт решения нового императора Юн Шаня, который всей душой погрузился в военное управление, начиная свой путь в качестве хозяина Поднебесной.

Солнце и луна сновали по небу, подобно ткацким челнокам [7]. Скоро наступал четвёртый год эпохи Жэньян.

В этом году Юн Шаню как раз исполнилось двадцать лет.

Хоть двадцатилетие было не большим событием, тем не менее это была круглая дата. Юн Шань с самого начала не хотел тратить слишком много денег, однако на юношу внезапно посыпались, как хлопья снега, докладные от чиновников, где каждый говорил о времени мира и процветания и о всеобщем ликовании в честь дня рождения молодого императора, а также писали, что отмечать праздник с народом — верный путь управления государством. Получив наставления и подумав, что они звучат разумно, Юн Шаню только и оставалось, что кивнуть в знак согласия.

Получив одобрение, чиновники из министерства церемоний, которое ведало государственным церемониалом и экзаменами, тотчас же развернули знамёна и ударили в барабаны [8], начав планировать праздник за полгода до его наступления, устраивая банкет в честь дня рождения. К тому же за пределами стен императорского дворца, куда обычно ездил император, они

хотели установить павильон с праздничной аркой, украшенной многочисленными цветами, которые были словно кусок парчи [9].

Спустя полгода на седьмой день июня Юн Шань с самого утра был вовлечён в утомительный ритуал министерства церемоний: отправился в императорскую молельню для поклонения предкам, дал аудиенцию сначала родственникам, затем чиновникам высокого ранга, высочайше жаловал пиршеством, принимал в дар прекрасные, доставленные со всех провинций во дворец самоцветы, которые во множестве ласкали взор [10]. От всей этой шумихи кружилась голова и круги плыли перед глазами.

С большим трудом приступив к банкету, Юн Шань в формальной обстановке немного перекусил. Расспрашивая своего старого дядю о «радушном приёме чиновников», юноша заметил пустое место за праздничным столом, развернулся и, тотчас же вернувшись в опочивальню, сразу же спросил у Чан Дэфу, который теперь отвечал за императорские покои:

— Юн Ци ещё не вернулся?

— Вернулся, — донёсся снаружи деликатный голос в ответ, вслед за этим поднялась занавеска, впуская в комнату Юн Ци. Увидев Юн Шаня, всё ещё облачённого в торжественный наряд, на котором красовался вышитый, словно живой, дракон с пятью когтями, юноша растянул губы в улыбке: — Ты, сегодня являясь именинником, тоже неожиданно ушёл с банкета, не простившись?

— Где ты был? Мы целый день пробыли в окружении толпы чиновников и лишь с тобой не виделись.

— Разве Ваш слуга [11] не докладывал императору? Теперь Ваш слуга занимается делами императорской семьи и сегодня ездил в министерство внутренних дел, чтобы возглавить их.

— Ты вчера не говорил Нам... — Договорив до половины, Юн Шань внезапно расплылся в улыбке и многозначительно посмотрел на Чан Дэфу, желая, чтобы тот вышел, и затем обвил рукой талию Юн Ци, крепко обнимая. Он опустил голову и, потираясь о плечо Юн Ци, проговорил: — Не нужно перед Нами называть себя «Ваш слуга», так как слышать это крайне неловко. Поменьше ненужных слов, лишь честно ответь Нам. Все чиновники преподнесли подарки ко дню моего рождения, и лишь старший брат этого не сделал. Старший брат мне что-нибудь подарит?

Посмотрев на уставшее лицо старшего близнеца и почувствовав сожаление к вымотанному за день юноше, Юн Ци покорно позволил себя обнять и немного задумался:

— Я напишу тебе записку, идёт?

Юн Шань притворно на мгновение задумался и, кивнув, проговорил:

— Тоже неплохо, только ты напишешь то, что я посчитаю важным. Я помогу старшему брату растереть чернила.

Подведя юношу к столу, Юн Шань и вправду растёр и доверху наполнил каменную тушечницу густой тушью, развернул чистый свиток и, обмакнув в тушь, вложил кисть в руку Юн Ци.

— Тогда напиши четыре слова: «счастливая пара, благословлённая Небом». — Слова звучали нежно, однако во взгляде иссиня-чёрных глаз, что смотрели на Юн Ци, внезапно промелькнул блеск, проявляя императорскую мощь, которая не терпела непокорность.

Услышав эти слова, в голове Юн Ци внезапно всплыли воспоминания прошедших дней.

В те годы Юн Шань был ещё наследным принцем и, крепко обнимая старшего брата во дворце наследного принца, «писал» пальцем на его, Юн Ци, спине, заставляя угадать слово [12].

Юн Ци догадался, что это за «пара», и ответил:

— Это пара не одиноких.

Юн Шань заговорил:

— Нет, это счастливая пара, благословлённая Небесами.

Милость и злоба переплелись воедино: от пренебрежения до бегства, от бегства до страха, от страха до недоверия, от недоверия до глубокой любви. Незаметно за багряной пылью мирской суеты минуло четыре года, что были похожи на один миг.

Однако сам юноша ни капли не вырос.

До сегодняшнего дня стоило только этому младшему брату приблизиться, как сердце Юн Ци учащённо начинало биться в груди, а тело охватывала слабость. К тому же с каждым днём устоять перед соблазном было сложнее. Когда Юн Шань обдавал горячим дыханием кожу, Юн Ци помимо своей воли заливался румянцем.

Взяв кисть и оказавшись зажатым между столом и младшим братом, юноша не мог никуда сбежать. Всё, что ему оставалось, примириться с судьбой и проговорить:

— Моя манера письма хуже, чем твоя, даже если слова получатся некрасивыми, то ты не станешь смеяться.

Подняв смоченную чёрной тушью кисть и уже коснувшись бумаги, рука Юн Ци задрожала от

того, что всё тело внезапно бросило в дрожь.

— Юн Шань, не нужно развратничать...

— Я делаю своё дело, а старший брат — своё, как речная вода в колодец не попадает, так и мы мешать друг другу не будем. Старший брат, скорее пиши. — Уставший за день Юн Шань сейчас был крайне счастлив, обнимая сзади стройное тело старшего брата. Как юноша мог не поддаться собственным желаниям?! Юн Шань низким голосом проговорил: — Если ты не напишешь то, что я сказал, на мой день рождения, то тогда я сделаю своего старшего брата своим подарком, также было бы неплохо, если бы старший брат позволил мне что-нибудь написать на своём теле.

Юноша, говоря это, уже развязал одежду Юн Ци и рукой скользнул под ткань.

— Тогда я как... как смогу написать... у-ум... ах! — высказав половину протеста, юноша внезапно прервался, высвобождая смущающий душу стон. Потерпев сокрушительное поражение [13], Юн Ци выпустил кисть из рук и, схватив ладонь, что, уже опустившись к низу живота, своевольничала под одеждой, проговорил, задыхаясь: — Как не стыдно, ты всё же государь... Даже если... даже если знаешь, что я стану шуметь...

Однако разве он мог остановить Юн Шаня?!

Уже в те годы юноша был сильнее старшего брата, сейчас же, являясь не шестнадцатилетним, а двадцатилетним, Юн Шань значительно вырос. В больших ладонях силы стало ещё больше, к тому же он знал стройное тело старшего брата, как свои пять пальцев.

В два счёта юноша одарил ласками ослабевшее тело Юн Ци, которого уже охватил жар, и неспешно с улыбкой подразнил:

— А как насчёт императора? Все чиновники соблюдают правила, к тому же дворец пустой, даже Юн Линь отправился в Бэйчуань тренировать войска. Я, как государь, каждый день с каменным лицом решаю как политические, так и военные дела страны, делаю замечания в докладных, от которых уже искры из глаз летят, и лишь со старшим братом могу чувствовать себя уютно. С кем мне ещё этим заниматься, как не со старшим братом?

— Юн Шань, не надо... нг, ты вчера ночью... у-ум, ах... вчера ночью сказал, что сегодня пощадишь меня... нг... а в словах императора нет шуток...

— Вчера я это сказал, чтобы старший брат позволил мне насладиться собой досыта, а если я сегодня пощажу старшего брата, то он не позволит мне вкусить себя, и тогда мы всего лишь два раза сделаем это, а твой младший брат полон молодости и сил, и двух раз ему недостаточно.

— Прибегаешь к нечестным уловкам...

— Кстати, говоря о наслаждении, так получилось, что сегодня императорский генерал Сюй Цзяолин из Шаньдун преподнёс несколько вещей, которые могут быть использованы во дворце императорских жён. В частности, одна из вещей — нефритовый жезл, который создан для запретного, его нужно поместить в дырочку и водить им туда-сюда, принося наслаждение. Довольно любопытно, как-нибудь принесу старшему брату попробовать...

Холодная дрожь охватила тело Юн Ци, а сам юноша тотчас же закачал головой:

— Нет... я не хочу...

Юн Шань засмеялся, обдавая горячим дыханием ушко юноши:

— Шучу. К чему на день рождения сына Неба дарить такие вещи. Даже если они захотят польстить, то в обычные дни могут тихо внести сюда. А старшего брата легко обмануть. — И, взяв в рот очаровательную и в то же время холодную мочку ушка, Юн Шань, не сдержавшись, укусил её.

Юн Ци тихо ахнул, не в силах вынести искушения, что дарил юный император, и, словно желая сбежать, юноша, прижавшись талией к столу, упал на него ничком, обнажая белую и тонкую шею. Большая свеча, горевшая в опочивальне, озаряла нежную и гладкую кожу, которая словно соблазняла, искушая вонзить в неё зубы и скользнуть по ней языком.

Юн Шань, конечно же, не смог упустить такой прекрасный момент: по-прежнему обнимая сзади, он навалился сильным телом на Юн Ци и, прижавшись, стал нежно покусывать шею.

— Юн Шань... не нужно кусать шею... могут... остаться следы, — бормоча, выстанывал юноша и, всё ещё сохраняя капельку рассудка и хаотично дыша, прерывисто проговорил: — Завтра мне всё ещё нужно... всё ещё нужно отправиться в резиденцию к дядюшке императора, чтобы навестить почтеннейшего старца... так как он заболел...

— Чего бояться оставленных следов? Можешь сказать, что тебя укусили комары, во дворце много цветов и крайне злых комаров...

Юн Шань оборвал себя на полуслове, так как внезапно снаружи донёсся голос Чан Дэфу:

— Князь Цзянчжун уже приехал? Государь в своей опочивальне, позвольте Вашему слуге сначала войти и доложить... Ой! Ой! Стойте, не входите туда первым...

Занавеска приподнялась, и Юн Линь, облачённый в военную форму, смело, мужественно и с воодушевлением вошёл в комнату:

— Старший брат, я приехал, чтобы поздравить тебя! Нужно было расположить войска, и только потом я отправился в путь. Я немного запоздал и не успел на праздничный банкет.

Чан Дэфу с горестным выражением лица бежал следом. Увидев, что Юн Линь уже ворвался в комнату, слуга, не дожидаясь, пока государь что-либо скажет, тактично отступил назад.

— Юн Линь. — Юн Шань был вынужден на полпути прерваться и сдержать в себе страсть, что переполняла душу. Ему только и оставалось, что выпустить из рук почти готовое лакомство, лежавшее на перед ним тарелке, и с немного холодным выражением лица обернуться. — Сколько можно говорить, чтобы ты больше не вёл себя бесцеремонно и не врвался в мою опочивальню, когда вздумается? Ты не обучаешь войска в Бэйчуане? Мы ведь издали указ, что тебе не обязательно ради Нашего дня рождения и в такое затруднительное время мчаться в столицу, а ты, не предупредив, бросил войска и приехал сюда. Разве так себя ведёт генерал?

Юн Ци был смущён, к счастью, Юн Шань ещё не успел снять с него одежду, она лишь немного была в беспорядке. Приводя себя в надлежащий вид, юноша проговорил:

— Ему нелегко было проделать такой большой путь, обстановка в Бэйчуане сейчас стабилизировалась, а война приостановлена. Достаточно только расположить войска как подобает, и можно отлучиться на несколько дней. Император празднует двадцатилетие, и чиновники отовсюду прибыли в столицу, чтобы его поздравить. Так почему же ты запрещаешь своему родному младшему брату возвращаться в столицу повидать тебя? — Юн Ци подошёл и, всматриваясь в лицо Юн Линя, которое давно не видел, спросил, не устал ли младший брат, пока ехал в столицу.

Юн Линь за последние несколько лет достойно выучился командовать войском, однако всё же дурная привычка давать волю своему нраву и навлекать на себя беду у него так и не прошла. Юноша развернул стул, сел отдохнуть и, растягивая рот в улыбке, проговорил:

— Сейчас, когда старший брат стал императором, он ещё больше читает нотаций, чем раньше. При встрече ничего другого не говорит, только и делает, что ругает. Всё-таки старший брат Юн Ци лучше, его слова всегда ласковые, слушаешь их, и на душе теплее становится.

Заметив, как взгляд Юн Шаня скользнул по нему, юноша поднял руки и с умоляющим видом попросил пощады:

— Государь, умерьте гнев и дайте Вашему слуге шанс всё объяснить. Этот указ о невозвращении является несколько ненужным. Однако я вернулся не только для того, чтобы поздравить старшего брата, есть ещё кое-что важное.

Юн Шань задумался на миг и блёкло проговорил:

— Ты приехал ради дела Юн Шэна?

— Значит, старший брат уже всё знает? — И Юн Линь с изумлением проговорил: — Юн Шэн, этот мелкий негодяй, являясь четвёртым князем западных земель, всё никак не образумится. Эти четыре года он говорит, что пользуется почётом в пожалованных землях, а на самом деле неизвестно, чем занимается. Я слышал, что он тайно набирает солдат, потому-то я приказал своим людям помочь мне следить за ним. В этом месяце я получил отчёт от своих подчинённых, которые говорят, что солдаты четвёртого князя уже собраны, а сам Юн Шэн потратил слишком много золота и серебра, кроме того, он приказал гонцам отправиться к нескольким князьям, которые, как обычно, высказываются против императорской власти, по-видимому, он хочет дать волю рукам.

На лице Юн Шаня не было ни ужаса, ни тени страха, ни радости, ни даже гнева, император лишь спокойно поинтересовался:

— Если бы это дело было поручено тебе, то как бы ты поступил?

За последние несколько лет Юн Линь успешно поднабрался опыта, и, когда речь зашла о военных делах, юноша тотчас же стал сдержаннее, а распущенность и озорство, что были присущи его натуре, бесследно исчезли. Юн Линь с решимостью нахмурил брови, сосредотачиваясь, и только потом ответил:

— Чтобы предотвратить бунт, я бы прежде всего поднял несколько войск. Одна часть следила бы за восточной границей владений четвёртого князя и прилегающими к ней дорогами, а вторая — за южной стороной и граничащими с ней путями. Да ещё в придачу отобрал бы пятьдесят тысяч хорошо обученных солдат и направил бы к подножью гор Чжуншань...

— Какой используешь предлог?

— Если он всерьёз задумал поднять бунт, то и мне тоже не стоит вспугивать змею [14]. — Юн Линь продолжил: — Нет нужды искать какой-то предлог, только установить солдат на границе, и всё. Я — главнокомандующий в Бэйчуане, у которого есть все полномочия охранять территорию и подступы к ней, а также досматривать каждого, кто выезжает или въезжает на территорию страны. Я ещё специально пошлю Юн Шэну письмо, где скажу, что в ближайшее время проведу военный смотр и могу часто направлять в его владения своих солдат, даже если он заметит движение бэйчуанских войск, то не станет слишком подозревать.

До этого Юн Шань сидел с каменным лицом, но после слов Юн Линя не смог удержаться и, захлопав в ладоши, засмеялся, после чего сказал, обернувшись к Юн Ци:

— Ты всё ещё скажешь, что не следовало его отправлять в холодные земли Бэйчуан, но сейчас-то ты понял, что это только закалило его и неожиданно он начал строить планы. Здорово!

Подойдя и подняв младшего близнеца со стула, Юн Шань смерил взглядом такого же высокого юношу, как он сам, и, похлопав его по плечу, проговорил:

— У местного князя есть необычные намерения, напрямую касающиеся как военных, так и государственных дел, и эти намерения дурны, однако, если что-то случится с местным князем, другие князья также начнут теряться в догадках, и их охватит страх. С самого начала я боялся, что ты слишком молод и можешь рубить сплеча, поэтому не хотел поручать тебе это дело. А на самом деле, похоже, следовало дать тебе как можно больше полномочий. Младший брат, дело четвёртого князя западных земель поручаю тебе.

Юн Линь прибыл ночью из-за желания взять на себя это большое дело, в котором он мог проявить своё умение, и сейчас, расплываясь в радостной улыбке, громко сказал:

— Слушаюсь! Я не разочарую старшего брата, можешь в этом не сомневаться.

— А в помощники тебе направлю человека по имени Чжан Хун, он из военного министерства, к тому же достаточно опытен и может оказать тебе немалую помощь.

— Хорошо.

— Запомни: если хочешь битвы, то действуй в пределах окружённой границы, не следует увеличивать боевую обстановку, а также не нужно впутывать сюда других правящих князей.

— Понял!

— И ещё, — Юн Шань понизил тон, — поймать Юн Шэна живым. Отец-император обладает душой и с небес наблюдает за нами.

Юн Линь остолбенел, встретившись взглядом со старшим братом, и с серьёзным выражением лица слегка кивнул:

— Ваш подданный младший брат выполнит волю государя. Во всяком случае Юн Шэн является нашим младшим братом. Когда я разобью его в пух и прах, то он больше не осмелится беспокоить нас, что уже хорошо, я и не допущу, чтобы он навредил себе.

— Именно об этом я и говорю.

Юн Ци ничего не понимал в военном деле и, когда началась дискуссия близнецов, тотчас же отошёл в сторону и с лёгкой улыбкой стал слушать братьев. Юноша хоть и относился к Юн Шаню с крайней нежностью, однако всегда хранил молчание, не перебивая младшего брата, и лишь давал советы по поводу дел императорской семьи.

Слушая, как Юн Шань вместе с Юн Линем хоть и планировали прибегнуть к военной силе, однако всё равно заботились о братских чувствах, Юн Ци почувствовал в душе тепло, и чем больше он смотрел на старшего близнеца, тем сильнее ощущал его выдающийся талант и необыкновенную манеру держаться свободно и непринуждённо.

За пределами дворца все говорили, что холодный на вид император со всей ответственностью относится к делам, более того, он ещё решительнее и сильнее Огненного императора Янь-ди, но знал ли кто, что душа, которую скрывал юный император за маской холода, могла быть нежной и доброй?

— Государь, — стоя за занавеской, доложил Чан Дэфу, — в главный зал уже доставили все подарки и совсем скоро собираются запускать фейерверки. Министерство церемоний, ожидая указа, спрашивает: хочет ли государь выйти и вместе с чиновниками посмотреть на фейерверк?

— Не выйдем, если Мы там появимся, то чиновники станут трепетать от страха, а когда они будут охвачены ужасом, разве смогут насладиться каким-то фейерверком? Поскольку сейчас уже ночь, то не следует прибегать к таким хитроумным приёмам. В саду на горе расположен высокий павильон, оттуда как раз открывается хороший вид, поставь там решётчатые кресла и подай фрукты, чтобы Мы с Юн Ци и Юн Линем смогли оттуда наблюдать. — Вместе с этими словами Юн Шань, подняв занавеску, вышел из комнаты.

За ним последовал Юн Ци. Незаметно Юн Линь схватил старшего брата за руку и, понизив тон, сказал:

— Я два месяца тому назад, проезжая мимо Динъаньлин, на какое-то время останавливался у стен храма.

— Ты видел матушку! — Юн Ци внезапно широко распахнул глаза. — Она... она и наложница Шу... как их здоровье?

— Они были по ту сторону стены, как я мог с ними увидеться? Они стояли за стеной, и мне удалось перекинуться с ними лишь парой фраз. По голосу показалось, что они хорошо себя чувствуют и живут в мире. Матушка вновь, как и раньше, завела старую песню, сказав, чтобы я слушался старшего брата.

— А моя матушка...

— Наложница Ли сказала, чтобы ты заботился о своём здоровье, много гулял, а если на улице холодно, то оставался в комнате, а то здоровье ещё больше ослабнет.

Услышав, что его матушка в добром здравии и от всей души даёт наставления, Юн Ци обрадовался и в то же время огорчился, и тянущимся голосом тихо проговорил:

— Я четвёртого месяца хотел отправиться в Динъаньлин, чтобы поклониться праху отца-императора и заодно навестить матушку. Однако Юн Шань сказал, что чувства матери и сына выражаются не словами, а делом. Знать, что она в добром здравии и не беспокоится о пище и одежде, уже хорошо, а встречаться, наоборот, бесполезно, к тому же это нарушит предсмертный указ отца-императора...

— Старший брат Юн Шань прав. — И Юн Линь посоветовал: — Знаешь, что им хорошо живётся, и хватит. Наложница Ли тоже неоднократно говорила мне, что не хочет, чтобы ты часто навещал её, так как, увидев её неизбежную печаль, ты можешь заболеть. А если ты заболеешь, то старший брат Юн Шань станет тревожиться. Так или иначе, ты всегда можешь увидеться с матушкой на ежегодной национальной церемонии.

— Где Юн Ци? Почему всё ещё не вышел? Уже вот-вот запустят фейерверк, — раздался голос Юн Шаня, и вслед за тем поднялась занавеска, открывая юное, но сдержанное лицо императора. — О чём вы там секретничаете?

Юн Линь захохотал:

— Ни о чём, просто долго не виделся со старшим братом Юн Ци, вот и перекинулся парой фраз. — Выходя из комнаты, юноша продолжил: — Ваше Величество, сегодня мне не удастся составить Вам компанию и посмотреть на фейерверк, так или иначе, рядом с Вами остаётся старший брат Юн Ци, что уже достаточно. В главном зале среди чиновников, что собрались посмотреть фейерверк, есть несколько командиров из нашей армии, переведённых в столицу два года назад, я хотел бы увидеться с ними.

— Иди.

— Слушаюсь, Ваш младший брат вынужден откланяться. Старший брат Юн Ци, мне пора.

Юн Шань посмотрел на Юн Линя, который всё ещё вёл себя как ребёнок. Проводив взглядом младшего близнеца и в тоже время молодого генерала, чей силуэт медленно исчез в тени угловой галереи, Юн Шань обернулся и окинул взглядом Юн Ци:

— Только что о чём вы перешёптывались за моей спиной? Более того, старший брат так сблизился с Юн Линем и даже не побоялся вызвать во мне ревность.

— Ни о чём.

— Если не скажешь правду, то Мы сегодня ночью на правах государя собственноручно позаботимся о суровом наказании. — В уголках губ появилась шелковинка улыбки, которая не сулила ничего хорошего.

Под тяжестью взгляда юного императора юноше стало не по себе, к тому же Юн Ци, чувствуя, как по талии расплывается сладостная истома, неловко проговорил:

— Ты так используешь права государя? Сидя на престоле, стоит читать здравые наставления.

— Хорошо, Мы прочтём здравые наставления. Хм, до этого Мы рассматривали здравый смысл подарков ко дню рождения. — И Юн Шань, прислушиваясь к совету старшего брата, уверенно

проговорил: — Старший брат пообещал написать мне в подарок то, что я пожелал, в итоге, начав писать «счастливая пара, благославленная Небесами», ты так и не дописал. Верно, старший брат? Я уже пообещал, что если старший брат не сделает это, тогда я, в свою очередь, стану писать на теле старшего брата.

— А... — Боясь щекотки, Юн Ци сжался в объятиях младшего брата. — Юн Шань, это не комната, тебе... а... не следует так делать... а... кто-нибудь может увидеть.

— Ну и пусть видят, только если кто-то из толпы придворных осмелится болтать, я тотчас же его четвертую. Любимый старший брат, сегодня ночью ты мой подарок ко дню рождения, позволь мне поцеловать тебя. Хм, действительно, ты словно ароматный персик, только слаще.

— Думаю, ах... тогда не стоит трогать там...

— Если не приласкаю спереди, тогда приласкаю сзади.

— Ах... нг... не надо... мои ноги... ноги ослабнут...

— Не страшно, если ноги ослабнут. Я держу старшего брата.

— У-у...

Стон сорвался с губ, и именно в этот момент небо озарилось фейерверками.

Бах!

В непроглядной небесной тьме вспыхнули красочные вспышки, сначала одна, потом вторая, третья...

Голубой, фиолетовый, белый, разноцветный...

Сверкающие огни фейерверка озаряли два силуэта, охваченные страстью, что были во дворце.

Смышлёный Чан Дэфу уже давно прогнал всех слуг в крытую комнату, запретив каждому оглядываться.

Тсс... Не стоит тревожить.

Сегодняшней ночью небо озаряли цветы фейерверка, делая пейзаж ещё красивее.

Юный и сильный император, купаясь в спокойных порывах ветра, принимал самый трогательный подарок в честь своего двадцатилетия.

Примечания:

[1] Так говорят о скончавшемся императоре. Фраза восходит к мифу об императоре Хуан-ди, унесённом драконом на небо.

[2] Обр. в знач.: не сметь и слова вымолвить.

[3] Обр. в знач.: трудиться во имя счастья потомков, трудиться на благо будущего.

[4] Обр. в знач.: быстро хорошо не бывает; аналог: поспешишь, людей насмешишь.

[5] Обр. в знач.: любить и проявлять сострадание к народу.

[6] Имеется в виду отец Огненного императора Янь-ди, дед Юн Шаня.

[7] Обр. о быстротекущем времени.

[8] Обр. в знач.: делать что-то всеми силами, с размахом.

[9] Обр. о прекрасном пейзаже.

[10] Обр. о чём-либо неотразимо прекрасном, часто о шедеврах писателей, поэтов, художников.

[11] Юн Ци говорит о себе не как о брате, а как о вассале.

[12] Воспоминания из 25 главы, когда Юн Ци проиграл Юн Шаню в го.

[13] В оригинале фраза звучит как «сбросить шлем и снять латы», обр. в знач.: бежать без оглядки с поля брани, потерпеть сокрушительное поражение.

[14] В оригинале фраза звучит как «косил траву, спугнул змею», обр.: вспугнуть, насторожить, привлечь внимание (противника).

<http://bllate.org/book/13372/1189628>